

Вера Сафронова
Мое советское детство

Сборник рассказов

Вера Сафронова

**Мое советское детство.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Сафронова В.

Мое советское детство. Сборник рассказов / В. Сафронова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-681337-3

Сборник «Мое советское детство» — это мозаика нежных, живых воспоминаний о беззаботном взрослении в одном из маленьких поселков СССР на закате 1980-х. Главная героиня растет в большой дружной семье, гуляет с друзьями до темноты, танцует на сцене, ездит в пионерский лагерь и «на картошку», впервые влюбляется и верит, что жизнь — это радость. И пусть прошло уже много лет, но каждый, кто вспоминает свое детство в СССР, наверняка захочет на миг вернуться туда, где так просто быть счастливым.

ISBN 978-5-00-681337-3

© Сафронова В.
© Издательские решения

Содержание

Мое СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО	6
Посвящается	6
Качели	8
Первый класс	10
Больше чем родство	14
Пионерский лагерь	19
Октябрята	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мое советское детство Сборник рассказов

Вера Сафронова

Редактор Анастасия Тимофеева

Иллюстратор Надежда Федченко

© Вера Сафронова, 2026

© Надежда Федченко, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0068-1337-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мое СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО

Посвящается

Моим дорогим одноклассникам, друзьям детства, учителям, родителям, бабушке и дедушке и всем, кто был рядом в моем далеком советском детстве.

«Обязательно пишите обо всем, что проживаете вы. Уйдете вы, уйдет ваше поколение, кто расскажет потомкам правду?» – эту фразу я услышала на одной литературной встрече.

Это было будто послание мне.

Узнать о жизни целого поколения можно только по правдивым рассказам очевидцев и современников. Ту самую – обычную правду жизни: как мы жили, как работали, как отдыхали, что ели, что пили, какую одежду носили, о чем говорили.

Так появились эти рассказы: про школу, про одноклассников, про родное село, в котором я родилась, про мои детские мечты и переживания.

Я изменила почти все имена и фамилии одноклассников и учителей, любое совпадение прошу считать случайным и не имеющим отношения к реальным людям.

Однако все истории настоящие. Наливайте в любимую чашку чай, усаживайтесь поудобнее и читайте.

Добро пожаловать в мир моего детства.

Качели

Мои первые воспоминания о детстве связаны с летом: начало 1980-х годов, мне четыре или пять лет, может, меньше. Мы живем в частном двухквартирном доме в районном центре, в селе. Во дворе папа построил качели: деревянное сидение со спинкой держалось на широких лентах из толстой черной резины. Эти ленты резины крепились наверху к металлической трубе. Труба была прикреплена к двум бревнам, стоящим вертикально. Резиновые ленты терлись о трубу и скрипели, когда я раскачивалась. Резина впивалась в ладони и оставляла красные полоски на моих руках. Руки пахли резиной.

Я любила свои качели. Любила качаться стоя и раскачивалась сильно, высоко, чтобы видеть выше забора. Когда я качалась, то обязательно громко пела: «Крыла-а-атые каче-е-ели-и-и летят, летят, ле-е-етя-я-ят!» Если качаешься на качелях, то петь нужно про качели, так думала я. Старалась петь громко, а если мимо проходили соседи, то я не смущалась, не замолкла, а, наоборот, пела еще громче. Прохожие улыбались. Им, проходим, идти нужно было по тропинке вдоль нашего забора, как раз рядом с качелями. Концерт приходилось слушать.

Дом наш располагался на углу, в переулке между улицами Строительной и Комсомольской. На Комсомольской был асфальт. На Строительной и по нашему переулку его не было. Дорога у дома была сплошь из ям, которые накачивали автомобили и мотоциклы. В сухую погоду можно было идти посреди дороги, по всем ямкам и колдобинам, поднимая пыль за собой, но так редко ходили. Проще было идти вдоль забора, где росла редкая трава и земля была плотная и ровная. А вот если прошел дождь, то все ямки на дороге заполнялись жижей и дорога становилась визуально ровной. Но мы-то были в курсе, что проехать можно только на большой машине или, зная особые изгибы дороги и прижимаясь к заборам, на мотоцикле.

У папы был ИЖ голубого цвета с коляской. А у соседа напротив – зеленый «Урал». Я помню, как крепко держалась за ручку, сидя в коляске мотоцикла, и смотрела на серую жижу, в которую наполовину погружалось колесо, а мотоцикл немного кренился вбок. Мне казалось, что мотоцикл сейчас опрокинется и я упаду в эту жижу. Но папа знал все ямки и ехал вдоль забора аккуратно. Я не помню, чтобы взрослые возмущались по поводу дороги и отсутствия асфальта. А уж мы, дети, воспринимали это как норму жизни. Главное – после дождя выбраться на улицу Комсомольскую, пройдя наш участок и соседний. А там по асфальту можно было идти до самого центра села. Я старалась идти по переулку вдоль забора медленно и аккуратно, чтобы не запачкать туфельки, потом тщательно терла их об траву и, счастливая, цокала небольшими детскими каблучками по асфальту.

Моя мама работала в районной библиотеке, которая располагалась в обычном кирпичном одноэтажном доме. Внутри было несколько комнат и веранда. Летом на веранде стояли полированные коричневые столы, а на них лежали кипы подшитых газет и журналов. Это был летний читальный зал. Когда я приходила к ней на работу, мама усаживала меня за такой стол, давала ручку и лист бумаги. Нужно было обязательно вести себя очень тихо, разговаривать шепотом и не мешать взрослым заниматься их важными делами, поэтому я рисовала. Когда надоедало рисовать, я представляла, что тоже работаю на этой важной работе, и выводила на листочке что-то важное. Делала это размашисто и быстро – выходили просто завитушки и крючки, ведь писать я еще толком не умела. Подражала взрослым, которых видела там. Чаще это были работницы библиотеки, которые постоянно что-то записывали или переписывали из книг, журналов или газет.

В библиотеке пахло типографской краской, так пахли свежие газеты и новые книги. Я до сих пор люблю этот запах. Мама работала в соседнем кабинете, и мне ее видно не было. Она иногда подходила, негромко перекидывалась парой фраз с коллегами, поглядывала на меня

и снова исчезала в своем кабинете. Мама была красивая, самая красивая из всех, отмечала я про себя. У нее были каштановые кудри – химия, как называли эту завивку тогда. И она ей очень шла.

Первый класс

Первый класс мне запомнился такими событиями: меня несет на руках десятиклассник, я потеряла кеды, я напилась кваса. Да, я не запомнила первые оценки, первые крючочки в прописи или первый портфель.

Мои воспоминания о школе начинаются с фотографии в местной газете: школьная линейка, огромные букеты георгинов и гладиолусов в руках у первоклашек, а я сижу на плече у старшеклассника, в руке у меня огромный, как мне тогда казалось, колокольчик, украшенный белым капроновым бантом.

Линейка проходила на улице, во дворе школы. Под окнами школы разместились ведущие, представители администрации, гости, за столом с аппаратурой сидел звукооператор, а рядом стояли микрофоны на стойках и огромные звуковые колонки в мой тогдашний рост. Все ученики, учителя и родители расположились по периметру школьного двора, образуя прямоугольник. Наш класс находился напротив директора и звукооператора. Позади нас – низенький деревянный заборчик, а за ним аккуратно постриженные кусты сирени. Весь двор заасфальтирован, погода распрекрасная, сухо и тепло. Вдоль этого прямоугольника и вышагивал тот мальчик из десятого класса со мной на плече.

Я не знаю, почему выбрали меня для этого важного дела. Может, я была самая маленькая и легкая среди всех? Может, не пришла на линейку первого сентября та девочка, которая должна была давать первый звонок? Со мной никто не репетировал, не договаривался. В самом начале линейки ко мне подошли несколько взволнованных учителей, а мальчик-десятиклассник встал рядом со мной, взял меня за руку. Мне сказали: «Вот колокольчик. Тебя этот мальчик понесет на плече, а ты звони в колокольчик. Звони громко и долго. Тряси его изо всех сил. Поняла?» Я ничего не поняла. На всякий случай кивнула головой и стала рассматривать колокольчик. Громко зазвучала музыка, ведущая линейки что-то объявила, и вдруг я услышала свою фамилию в конце фразы: «...и ученица первого класса Песоцкая Вера». Я почувствовала, что ноги оторвались от земли и чьи-то сильные руки меня подняли и посадили на плечо десятиклассника. Я услышала, как учительница строго сказала парню: «Держи крепко ребенка!»

Десятиклассник нес меня перед всей школой: одной рукой он держал меня за ноги, а другой поддерживал за спину. На мне было черное школьное форменное платье, а остальная часть наряда сияла ослепляющей белизной: фартук, огромные банты, колготки, манжеты, воротничок и туфельки. Казалось, что на своем плече десятиклассник нес большое белое облако с огромными синими глазами, полными слез.

Мне было страшно, у меня бешено колотилось сердце. Я постоянно соскальзывала, и мне казалось, что я вот-вот упаду. Чтобы не свалиться, я цеплялась свободной рукой за шею мальчика. Этот парень был в белой рубашке, в школьных брюках со стрелками и черных кожаных туфлях. То ли рубашка была шелковая и мои ноги в колготках скользили по материалу, то ли изначально меня посадили не совсем удачно. Мне казалось, что я все время съезжаю куда-то вниз. От этого я вся была напряжена, хваталась руками за рубашку мальчика и забывала трясти рукой, в которой был колокольчик. Потом вспоминала и трясла. Я будто видела все это со стороны, и мне было и страшно, и жалко себя одновременно. Мне казалось, что колокольчик едва слышно и что я все испортила.

На самом деле все прошло замечательно: и колокольчик в моей руке звенел звонко, громко, весело, и никто не заметил, что я почти падала. Это от волнения и неожиданности мне все так казалось. Учительница меня похвалила, когда все закончилось и я твердо стояла ногами на асфальте, сказала, что я молодец.

Когда вышла статья в газете с моим фото, мама аккуратно вырезала заметку и прибрала в семейный альбом. Каждый раз, рассматривая это фото, я вспоминаю свой первый школьный день. Как звали того десятиклассника? До сих пор не знаю.

Начались школьные будни. Наш класс учился в первую смену. В сентябре нас, первоклашек, еще провожали и встречали родители, но постепенно стали отпускать одних. Ведь школа в селе была одна и заблудиться было трудно: нужно было выйти из школы, пройти до улицы Комсомольской и идти по ней все время прямо и прямо до моего переулка. Потом свернуть, пройти дом и огород соседей, и все. Я в родных стенах.

Зимой было немного сложнее. Утром на улице еще было темно, мне хотелось спать, мороз щипал щеки, и мы шли с ранцами за спиной по натоптанным снежным тропинкам. Иногда занятия отменяли из-за сильных морозов или метелей. Утром на кухне вдруг начинало шипеть и трещать молчаливое обычно радио – белый пластмассовый прямоугольник на стене над умывальником. Трещало так, будто проверяли микрофон. Иногда даже слышалось «раз-раз». Мама сразу говорила: «Тихо. Местное радио включилось». Мы затихали. И нам приглушенным женским голосом, будто со дна огромной железной бочки, сообщали, что в связи с усилением морозов сегодня отменяются занятия в начальных классах. Я оставалась дома и не понимала, чем же заполнить вдруг образовавшиеся свободные полдня. Спать уже не хотелось, за окном было еще темно, на кухне в печке трещали дрова. Дома было тихо. Только радио после объявления об отмене занятий транслировало концерт фортепианной музыки. Скучный концерт.

В один не сильно морозный день мы, первоклашки, шли домой. Обсуждали школьные дела и вышли уже на любимую улицу Комсомольскую, как вдруг увидели горку. Самодельную ледяную горку, сделанную из снега и залитую водой. Горка стояла возле одного из домов, и мы все побежали кататься. Портфели побросали у снежных ступенек горки, и началось веселье!

Горка была великолепная! Высокая! И ледяной склон у нее был длинным, вдоль всей дороги. Мы наперегонки взбирались на горку и с визгом скатывались вниз. Катались мы, сидя на попе, без всяких ледянок, ватрушек и даже без картонок. Наша верхняя одежда, зимние пальто и шубы, были все в липком снегу: он набирался в валенки, в варежки и даже за шиворот. Было жарко, уши и щеки горели зимним румянцем.

Накатавшись, мы подняли свои портфели и побрели нехотя домой. По дороге завели разговор о том, что нам влетит от родителей. За мокрую одежду всю в снегу и за то, что не пришли домой вовремя, а час или полтора где-то пропадали.

И тут я поняла, что иду мимо дома моей прабабушки. Это была бабушка моего папы и его братьев. Ее звали Прасковья. Все звали ее баба Паша. Это была маленькая сухонькая старушка с добрыми голубыми глазами и тихим голосом. Ей тогда уже было лет восемьдесят. Она жила одна в небольшом домике-землянке. Хотя для меня снаружи выглядел он не таким уж и маленьким. Домик был с палисадником, огородом и сараем. Внутри было всего две комнаты. Я решила, что надо зайти к бабушке, посушить одежду и валенки, привести себя в порядок, а уж потом идти домой. Чтоб не влетело от мамы. И зашла.

Бабушка обрадовалась внезапному приходу правнучки. Забрала мою одежду, разложила ее на русской печке. Накормила меня оладушками и напоила квасом. Она предложила мне чай, а я сказала, что мне и так жарко. Тогда бабушка подошла к фляге, которая стояла прямо у входа в дом, зачерпнула железной эмалированной кружкой жидкость, подала мне со словами: «А у меня как раз тут и квас холоденький готов». Я выпила этот квас, и мне стало так тепло, так хорошо. Бабушка сказала, чтобы я лезла на печку отдыхать. Я залезла и уснула.

Проснулась я от громких голосов. За окнами было темно: поздний зимний вечер. Оказывается, меня уже потеряли и искали по всему селу. Мои родители узнали, что все дети давно дома, а меня нет. Тогда папа и его родной брат, дядя Сережа, сели на зеленый дядин жигуль

и стали ездить по всем моим одноклассникам. У одного из них они выяснили, что меня видели на той самой горке. Разыскали других ребят и узнали, что я зашла в дом к своей прабабушке.

Заглянув туда и обнаружив «пропажу», папа стал собирать меня домой, но я будто плохо соображала и все никак не могла проснуться. Папа и дядя Сережа ругали бабушку за то, что не отправила меня домой, а уложила спать и заставила всех волноваться. Бабушка стала оправдываться, что, как только я напилась квасу, так сразу и уснула. Папа мой подозрительно посмотрел на бабушку, на меня, а потом спросил: «А где квас-то?» Дядя Сережа сразу все понял. Фляга стояла там же, у двери, и кружка все еще находилась на крышке фляги. Он зачерпнул квас. Выпил, заулыбался и сказал: «Баба, так это ж не квас, это ж бражка! Ты дрожжи туда положила?» Бабушка под пристальными взорами своих взрослых внуков стала еще меньше, чем была. Вся скукожилась и села на табуретку, всплеснула руками, охнула и тихо произнесла: «Я что, фляги перепутала?» И жалостливо посмотрела на меня. Вторая точно такая фляга стояла за печкой, спрятанная за шторкой. Там и был квас. Хороший такой русский квас на сухих хлебных корках. Мой папа и дядя и смеялись, и ругали бабушку, и странно поглядывали в мою сторону. Меня немного пошатывало, хотелось спать, и горели щеки. «Вот это я накаталась на горке, до сих пор в себя прийти не могу», – думала я.

Дома мама меня почему-то не ругала. Только объяснила строго, что со школы нужно идти сразу домой и ни к каким бабушкам не заходить!

Эта история меня ничему не научила. Идти домой сразу после уроков мне не хотелось. Мы с одноклассниками шли обычно долго, выбирали самые длинные дороги, заходили в магазины по пути к дому просто поглазеть. В кулинарии глядели на пирожные и торты, в книжном – на открытки и книги, в продуктовом – на витрины с шоколадками. Иногда кто-нибудь из ребят звал к себе. Мы заходили. Играли в игры, а домой шли уже ближе к вечеру. Тогда я уже понимала, что родители с работы придут к шести часам вечера. И к этому времени важно быть дома, чтобы не попасться.

И обычно я не попадалась. Но вот однажды поздно вечером я стала собирать свой портфель на завтра и никак не могла найти свои кеды. Обыскала весь дом. Мама стала вести расследование. Спросила, брала ли я кеды в тот день с собой в школу. Я ответила, что да, брала. Они были связаны шнурками между собой и висели на портфеле. «Значит, ты забыла их в школе. Ничего страшного. Завтра заберешь», – сделала вывод мама.

На следующий день кеды в школе не нашлись. Мы с учительницей искали их в классе, в спортзале, в раздевалке, спрашивали у техничек, заглядывали в каждый угол коридора. Не нашли. Я пришла домой снова без кед. Тогда мама стала тщательно меня расспрашивать, с кем я шла домой и куда заходила. Разговор был трудным. Мне было стыдно рассказывать, что я не просто сразу шла домой, а заходила по пути в разные магазины и к друзьям. Мама становилась все строже, а ее голос – все громче и суше. В конце разговора выяснилось, что я прошла мимо дома и пошла провожать подружку в Лесхоз. А этот самый Лесхоз находился далеко за деревней, за огородом моей бабы Маруси. К бабушке я не заходила. Ведь я помнила, что мне запретили после школы заходить к бабушкам. Мы прошли мимо ее дома и огородами шли к дому подружки Наташи. Мама разозлилась окончательно и поручила папе взять меня за руку и идти там, где я ходила в тот день. Мы пошли. И нашли кеды на поле за огородом бабушки: они висели на кабине ржавой машины. Я вспомнила, что мы играли тут в водителя и пассажира и я повесила кеды на какой-то выступ. Там они и висели. Мы забрали кеды и побрели домой.

Папа никогда меня особо не ругал. Он только грустно говорил: «Ну, Верочка, ну нельзя же так». Я вздыхала. И знала, что дома от мамы мне влетит точно. Мама меня отчитала и сказала, что все нормальные дети идут домой, а я шатаюсь за деревней как колобкова корова. Я долго думала, что это за корова и почему она колобкова. Фамилия у нее, что ли, такая?

Больше чем родство

Дедушка Филипп и бабушка Мария, или, как ее все называли, Маруся, были важнейшей частью моего детства. Они жили в том же селе, что и мы, но, даже если бы их дом стоял на другом конце света, я уверена, что все равно находила бы туда дорогу. Для меня они были самыми близкими и родными после мамы, папы, брата и сестренки. Яркие воспоминания из детства – запах свежей выпечки, звон детского смеха, уют и теплота – ассоциируются у меня именно с их домом.

Первые два года моей жизни мы с родителями провели у бабушки и дедушки. Но когда переехали в свой дом и стали жить отдельно, бабушкина усадьба все равно являлась для нас местом притяжения. После переезда мы с двоюродной сестрой часто оставались у них на ночь. Просыпаться там было особенно приятно. Сквозь занавески пробивалось мягкое утреннее солнце. Где-то на кухне уже гремела посуда. А воздух наполнялся запахом свежего хлеба, блинов или оладий: каждый раз бабушка выпекала что-нибудь ароматное.

Она пекла хлеб, который любили все в нашей семье. Теплый, румяный, с хрустящей корочкой. Аромат разносился по всему дому, и его невозможно было перепутать ни с чем. Бабушка пекла много: по десять-двенадцать булок сразу. Наши родители приезжали за нами и уходили домой, держа в руках по несколько теплых свежеспеченных булок. Магазинный хлеб мы почти не покупали, да и не хотелось – разве мог он сравниться с бабушкиным?

А дедушка постоянно пропадал на рыбалке. Он знал все окрестные озера. Их у нас было пять. Четыре – пресные, а одно – соленое. Дедушка брал с собой моего отца и дядю, и они уезжали рыбачить с самого утра. Домой возвращались с полными ведрами карасей, карпов, иногда попадалась щука. На столе у нас всегда были рыбные блюда: уха, жареная рыба, иногда даже вяленая и сушеная.

Сушили рыбу так: сначала солили, потом развешивали на бельевой веревке, распластав каждую рыбешку и укрыв марлей от насекомых, мух и комаров. Готовую рыбу хранили в картонных коробках на шифоньере у нас дома и у бабушки с дедушкой. Я обожала грызть ее – не могла оторваться, пока не доем!

Мне казалось, что рыба – это не просто еда, а часть нашей семейной истории. Папа и дядя переняли дедушкину страсть к рыбалке, а позже и мой брат стал ловить рыбу так же умело, как когда-то его дед.

А еще помню большой сад и огород. Сколько же всего там росло: яблоки, малина, клубника, смородина, ирга, крыжовник – в общем, ягоды, фрукты и овощи на любой вкус. Бабушка и дедушка трудились на огороде с весны и до поздней осени, ухаживали за своими посадками с любовью. И нас приучали к труду. Потому что богатый стол со вкусной едой просто так не появится – нужно потрудиться, чтобы получить щедрый урожай и накормить семью.

А цветы... Весна на дворе, лето или осень – во дворе усадьбы всегда цвели огромные пахучие кусты. Их было так много, что, даже если не знать, где находится бабушкин дом, можно было просто идти на запах. Весной распускались анютины глазки, летом клумбы усыпали яркие георгины, осенью цвели гладиолусы и огромные астры. Мы, дети, любили прятаться в саду, сидеть на покрывале под раскидистой яблоней, играть, болтать и рассказывать истории. Иногда бабушка выносила нам перекусить какие-нибудь лакомства. И мы, смеясь, ели их прямо под деревом.

Когда бабушка не была занята домашними делами, она наблюдала за нами через окно, сидя за столом в зале, главной комнате дома. Бабушкино место было выбрано неслучайно: стол стоял так, что она могла и наблюдать за садом, где мы играли, и спокойно смотреть телевизор.

Круглый деревянный стол с плюшевой красной скатертью находился почти в центре зала. Он использовался не только для семейных застолий, но и как рабочее место бабушки – за ним она вязала, шила, читала. В будни он стоял у стены между двух окон, а в праздники его выдвигали в середину комнаты, и за ним собиралась вся семья.

Под скатертью бабушка хранила свои сокровища. Там можно было найти бумажные купюры, вырезки из газет, рецепты, выкройки. Вещи лежали ровно, не выдавая себя, но мы, внуки, чувствовали их под скатертью, когда клали на стол руки. Если пытались заглянуть под скатерть, бабушка строго говорила: «Нечего там шарить, там не игрушки!»

В будние дни на столе лежали ее очки в футляре, спицы, крючки для вязания. Иногда появлялась вазочка с конфетами, но еду в зале оставлять было не принято – она всегда была на кухне. Этот стол был центром бабушкиного быта. Именно здесь, на своем любимом «посту», она проводила большинство времени, занимаясь делами.

А для нас, детей, самым интересным местом в доме был чердак. Туда вела лестница, и, пока за нами никто не приглядывал, мы забирались наверх. Там всегда можно было обнаружить что-то загадочное и таинственное. Старые чемоданы, пожелтевшие газеты, стеклянные банки, ненужная мебель. Все поверхности на чердаке были покрыты толстым слоем пыли.

Однажды мы с двоюродными братьями и сестрами решили устроить там тайник. Украли на огороде большую круглую тыкву, выдолбили в ней середину и наполнили ее ягодами, цве-

тами, веточкам, какими-то стекляшками. А потом надежно спрятали наш «клад» на чердаке, в укромном уголочке. Мы не понимали, что все это вскоре сгниет.

Мы гордились тайником и радовались, что бабушка так сильно была занята своими делами и не успела нас проконтролировать. Она даже не заметила, как мы поднимали тыкву наверх по лестнице. Недели через три, когда тыква, к нашему удивлению, не сгнила, а засохла, мы сами вытащили ее с чердака и выбросили. Про наш «клад» бабушка, кажется, так никогда и не узнала. Хотя если бы и обнаружила тайник, наверняка простила бы – она редко сердилась по-настоящему. Громко ругалась, только когда замечала наши следы на рыхлой земле и понимала, что мы опять потоптали грядки.

Бабушка работала в сельском хозяйстве и к растениям относилась бережно, поэтому даже в неурожайные годы у них в огороде все росло. В 17 лет, когда началась война, она попала на курсы агрономов вместе с другими девушками и женщинами, которые остались в тылу. Их учили быстро – нужно было подготовить как можно больше специалистов для выращивания урожая, чтобы обеспечивать фронт продовольствием.

Помимо выращивания пшеницы, зерна и овощей, бабушку и ее напарниц научили ездить на лошади и управлять трактором. Я восхищалась ее смелостью и удивлялась, ведь в моем детстве автомобили водили в основном мужчины. А в ее время все мужчины ушли на фронт, и женщинам приходилось все делать самим.

Бабушка много раз рассказывала, как запрягать лошадь в плуг, обрабатывать землю и работать на тракторе. Я все спрашивала, зачем ей нужно было скакать на лошади верхом. А она объясняла, что машин и транспорта почти не было, все уехало на фронт, а доехать от поля до поля, чтобы проверить посевы и работу бригад, нужно было быстро. «Ну и что такого? – со смехом говорила бабушка. – Это вы трусихи растете, боитесь всего. А мы были смелые».

Когда она рассказывала эти истории, дедушка слушал и улыбался. Он пришел с войны в 1946 году, и все его друзья к тому времени уже пережились. Один он ходил холостой. Дедушка описывал, как их с бабушкой свели: познакомили на гулянке по поводу его возвращения домой, посадили рядом за стол. А бабушка – наряженная, красивая – к тому моменту уже и не думала кого-либо встретить. Много мужчин не вернулось с войны. И вот с того вечера они уже не расставались.

У них родилась дочка Вера, но еще маленькой умерла, а потом – трое сыновей, одним из которых был мой папа. А я родилась ровно через двадцать три года после смерти бабушкиной дочки. День в день. 29 октября. Только год другой.

Дедушка Филипп, вспоминая об этом, часто говорил: «23 года назад именно в этот день Бог забрал у нас дочку Верочку и ровно через 23 года подарил внучку». Когда я родилась, дедушка попросил назвать меня Верочкой. Мои родители согласились. Так мне дали имя Вера в честь моей родной тети. Для нашей семьи оно стало символом связи поколений, отражением родовой силы. А мне как-то сказали, что я обязательно должна быть счастливой. За двоих.

Дедушка ушел из жизни в 1982 году, а бабушка прожила дольше и успела увидеть, как мы выросли. Когда я вспоминаю дом бабушки и дедушки, то понимаю, что он был не просто местом, где они жили, а целой вехой для нашей семьи. Перед глазами встают простые, но бесценные моменты. Как я захожу во двор, где цветут бабушкины георгины. Как слышу бабушкин голос, зовущий нас обедать. Как дедушка сидит на крыльце и чинит рыболовные снасти, готовясь к утренней рыбалке. Как теплым летним вечером мы всей семьей собираемся за большим столом, а в воздухе разносится аромат вкусной домашней еды.

Дедушкина улыбка, бабушкины рассказы, запах хлеба, цветущий сад, семейные традиции – это не просто воспоминания, а наследие, которое останется в моем сердце и, я надеюсь, в сердцах моих детей.

Пионерский лагерь

Летом после первого класса меня впервые отправили в пионерский лагерь. Это потом, став уже постарше, я узнала, что моя бабушка Маруся работала там завхозом и за мной там приглядывала. Тогда я этого не помнила. И даже бабушку не замечала. Все мое внимание было сосредоточено на лагере. Меня определили в шестой отряд. Отряд малышей.

Территория лагеря состояла из центральной асфальтированной площадки, на которой проходил ежедневный сбор всех отрядов, столовой, клуба и домиков, где мы жили. Деревянные жилые здания стояли вдоль асфальтированной дорожки справа и слева. На один отряд приходилось два домика. В одном жили девочки, в другом – мальчики. В домиках пахло деревом, особенно после дождя. Вокруг них были деревья, кусты и летние беседки.

Мы, дети, были постоянно заняты. Утром нас будили рано звуками горна. И мне нравилось брать с тумбочки полотенце, зубную пасту, щетку и сонной выходить на улицу в свежее июньское утро. Мы бежали к общему умывальнику. Он находился в дальнем углу территории лагеря. Весело чистили зубы, умывались. Нужно было изловчиться: в одной руке щетка, в другой – паста, на плече полотенце.

Вода текла по большой длинной трубе, на которой было штук десять кранов с одной и с другой стороны. Мы открывали краны, вода лилась прямо на землю и траву. Я подставляла ладошку, набирала воду и пила ее, прежде чем чистить зубы. Пахло зубной пастой и мылом. Ребята брызгались водой, визжали и смеялись. Все старались быстрее умыться, чтобы не опоздать на зарядку. А для этого надо успеть прибежать в свой домик и переодеться в спортивную форму. Зарядка на свежем воздухе мне нравилась. Меня очаровало здесь все. С первого раза я полюбила лето в лагере. Мне нравилось ходить строем в столовую и кричать речевку:

Раз, два – мы не ели!
Три, четыре – есть хотим!
Открывайте шире двери,
А то повара съедим.
Поварятами закусим,
А столовую снесем,
А дежурного по кухне
На добавку разнесем.

Нравилось петь в хоре и разучивать песни. Нравилось после завтрака подметать территорию вокруг домика метелкой из полыни: это называлось «трудовой десант». Нравилось дежурить в столовой. Но это было уже много позже.

Малыши в столовой не дежурили. Мы смотрели с завистью на старшие отряды, которые могли работать в столовой. Они разносили порции по столам и проверяли у входной двери руки у ребят: чистые или нет. Еда в столовой была вкусной. Мы ели все, что нам давали, часто просили добавку. Тогда, в лагере, я полюбила овсяную кашу.

Самым любимым приемом пищи был полдник. Давали лакомства, например, печенье и кисель. Или вафли с лимонной начинкой и чай. Иногда пару конфеток или пряник с чаем. Или пончики с повидлом. О, это был просто праздник!

Я любила даже тихий час в пионерском лагере. Засыпала сразу и спала крепко, пока вожаки не будили нас со словами: «Строиться на полдник!» По моим ощущениям, день делился на две части: до тихого часа и после. Активное утро с «трудовым десантом», кружками и репетициями и не менее интересный вечер. После полдника мы собирались в беседке и обсуждали всякие отрядные дела, готовились к вечерним мероприятиям.

В первые дни в лагере мы готовили концерт «Алло, мы ищем таланты!», и меня выбрали петь песню. Вожатые спрашивали нас, кто что любит и умеет делать, вот я и вызвалась. Я спела такую песню:

Выглянуло солнышко, блещет на лугу,
Я навстречу солнышку по траве бегу!
И ромашки белые
Рву я на бегу,
Я веночек сделаю, в солнышко вплету¹.

Как я спела перед зрителями, уже не помню. И концерт сам не помню. Запомнилось только, что после выступления меня переполняли радость и гордость. Это была моя тайная мечта: каждый раз, когда я дома качалась на качелях и пела для случайных прохожих, представляла себя на сцене. И вот мое желание сбылось! Это было первое выступление в моей жизни. Это было счастье!

¹ «Самая счастливая», К. Ибряев.

Октябрята

Каждый школьник в моем детстве был октябренком или пионером. В октябрята принимали в первом классе, а в пионеры – в третьем.

Октябренку цепляли слева на форму значок в виде пятиконечной звезды рубинового цвета, в центре которой был портрет маленького Володи Ульянова. Значок прикрепляли старшие ребята-пионеры в торжественной обстановке на линейке. Школьная линейка – это сбор всех учеников в вестибюле школы. Фойе имело форму прямоугольника, и там все классы вставали в ровные шеренги, в два-три ряда по периметру фойе. На линейку мы строились еще в кабинете парами, держались за руки. В нашем классе было двадцать шесть человек, а значит, тринадцать пар. Когда классный руководитель командовал: «Строится на линейку», мы старались встать первыми, сразу за учителем. И вот таким строем мы выходили из кабинета и шагали в фойе.

Там становились в заранее отведенное нашему классу место – в две линии, по тринадцать человек в каждой. Пол в фойе школы был деревянным, крашенным темно-коричневой краской. Считалось удачей, если класс становился вдоль досок пола, и тогда край доски играл роль той самой «линейки», по которой выравнивали стопы первой линии ребят. Командир проходил вдоль ребят и «подравнивал» носки ловким движением своей ноги со словами: «Подравнились по линеечке».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.